

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

Цена 40 коп.

БОЛЬШИЕ ДЕЛА, ВЫСОКИЕ ЧУВСТВА!

Писатели, побывавшие с выездной редакцией «Литературной газеты» в Сибири, рассказывают сегодня на страницах нашей газеты о строительстве Братской ГЭС. Горячи, овеяны поэзией труда и творчества дни на стройке. Посмотрите на фото — сооружение плотины на Ангаре, — и вы почувствуете, каков сейчас размах строительных работ.

Вчитайтесь в открытое письмо коллектива строителей Братскгэстроя, и вы представите, каковы замыслы и как высоко чувство ответственности перед страной у людей, работающих на берегах Ангары. «Помогать по-братски!» — поистине символическое значение имеют эти слова коллектива строителей величайшей в мире Братской гидроэлектростанции. Особенно важен этот призыв сейчас, когда весь советский народ устремляет свои усилия на успешное претворение в жизнь решений июньского Пленума ЦК КПСС, на досрочное выполнение семилетки.

Мысль о помощи одного производственного коллектива другому не новая. Такой помощью пользовались давно. Однако братские гидростроители вкладывают в это понятие новый смысл и поднимают значение такой помощи на новую, более высокую ступень.

При обсуждении публичного открытого письма строители говорили о необходимости более активной помощи со стороны «старших» и передовых коллективов «младшим» и отстающим. Это значит, что старший по возрасту и наиболее передовой по уже достигнутым результатам коллектив должен не ждать, когда к нему обратятся за помощью, а сам протянуть руку братской помощи другому коллективу.

Естественный пример такого отношения к общему делу показала молодая работница Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината, ныне Герой Социалистического Труда Валентина Гангалова. Из передовой бригады, которой она руководила, Гангалова перешла в отстающую, чтобы своей активной помощью вывести ее в число передовых.

Это чувство высокой сознательности, высокой ответственности за общее дело руководило и коллективом строителей Братской ГЭС, когда они ринулись в помощь отстающим коллективам Красноярской гидроэлектростанции. И вместе с тем они сами, нуждаясь в помощи, обратились за ней к ряду других коллективов.

Инициативу братских гидростроителей надо поддержать.

Фото М. Трахмана

МИРТЕМЪР

ИСКРА

Вчера третий советский спутник Земли отменил свой юбилей — он сделал 6000 оборотов.

Творенье мысли дерзновенной,
В голубых голубых небесах,
Мерцая в зеркале Вселенной,
Летает чудо из чудес.

Летает в праздники и в будни,
Над ширью суши и морей,
Летает спутник, дальний путник,
Посланец Родины моей.

Уснул горы, реки, рощи,
А он летает, мир краи.
Он — только искра нашей мощи!
Лишь искра нашего огня!

Перевод с узбекского
Михаил ЛЬВОВ

ЖДЕМ ВАШЕГО ОТВЕТА, ТОВАРИЩ МИНИСТР!

ПОД ТАКИМ заголовком газета «Кзыл Узбекистан» опубликовала письма группы писателей, адресованные министрам республики. Недавно бригада узбекских литераторов во главе с поэтом Султаном Акбаром побывала в Джизакском районе Самаркандской области. Глубокое изучение жизни и труда советских людей, встречи с читателями, задушевные беседы с рабочими промышленных предприятий, тружениками колхозных полей и совхозов дали богатейший материал для серии интересных очерков, репортажей, стихов и зарисовок, появившихся в республиканской газете.

В письмах, адресованных министрам сельского хозяйства, культуры, автомобильного транспорта и шоссеиных дорог, водного хозяйства и начальнику Узглавгэстроя, писатели подняли ряд подкажанных жизнью проблем. Здесь вопросы освоения новой техники и комплексной механизации сельского хозяйства, бытовые нужды покорителям новых земель и проблемы культуры жилищного строительства, водоснабжения в кишлаках, благоустройства дорог в новых совхозах — все, что волнует тысячи людей, борющихся за досрочное выполнение семилетнего плана.

Такие же бригады, организованные Союзом писателей Узбекистана, выезжают в Ферганскую долину и другие районы республики. Оперативные и действительные выступления в печати по самым животрепещущим вопросам дня — одна из главных задач, которые ставят перед собой бригады писателей.

ТАШКЕНТ. Наш корр.

«ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ТОВАРИЩ ХРУЩЕВ!»

ВМЕСТЕ с тысячами варшавян — женщинами, детьми, мужчинами, стариками и молодыми — стоял я на трассе, по которой должна была ехать в Бельведер партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с Н. С. Хрущевым. Люди пришли сюда задолго до 11 часов утра. И на тротуаре, и на мостовой — полным-полно, буквально людской муравейник.

Многие устроились на оградах старинных особняков и дворцов на Аллее Уяздовской, наиболее предприимчивые забрались на автопалатки с прохладительными напитками.

Я не стану описывать всех подробностей торжественной встречи на аэродроме — читатели «Литературной газеты» знают их уже из сообщений печати и радио. Мне хочется хотя бы приблизительно передать атмосферу, царящую в эти часы в польской столице. Ведь варшавяне встречали самых дорогих друзей — посланцев народа, который помог возродить Варшаву, который освободил польскую столицу.

Какая-то молодая мамаша тянет мальчика, а он вырывается у нее из рук и запальчиво кричит:

— Пусти, ну, пусти меня ближе, мама! Я тоже хочу видеть дядю Хрущева!..

Рядом со мной оживленно беседует группа сотрудников какого-то конструкторского бюро. Один из них предлагает освесить морозным в ближайшем кафе. Но большинство решительно возражает: «Нет!»

— Ну что ты городишь! — обрушивается на «морозенщика» высокий блондин в голубой куртке. — Машины проедут здесь за минуту, от силы две... И что толковать? Можем упустить как раз этот момент.

В толпе движение — над головами появляется большой самолет. Он летит так низко, что нетрудно догадаться: это наши гости! Глаза устремлены в небо. Громкоговорители передают: самолет идет на посадку в Бабиаце.

Вам, советские читатели, необходимо знать, что аэродром этот находится в 15 километрах от центра Варшавы. И вот на всем протяжении пути — таме народа. Осподавший варшавянин не нашел бы себе свободного местечка.

Все дома вдоль трассы украшены флагами, транспарантами, приветственными надписями, гирляндами. Почти в каждом

окне любой квартиры — цветы, флажки, портреты и другие украшения, в том числе ковры. Все это идет от самого сердца. Столице народной Польши действительно горячо и радушно встречают советских гостей.

Интересно, что Варшавская студия телевидения установила одну из камер — на самолете! Да, да, это не ошибка — на самолете, который сопровождал советский «ИЛ-18» до самой посадки. Сегодня у наших телемастеров особенно много зрителей: все, кто по тем или иным причинам не смог попасть на улицу, вечером собрался в телевизоры.

И еще один знаменательный момент: когда самолет приземлился в Бабиаце, в небо взлетели снопы ярких разноцветных огней, а сверху на землю спустились на парашютах флаги всех советских республик, Польши и других государств социалистического лагеря.

Но вот и у нас на трассе слышится нарастающий шум овации: гости близко. Люди подбегают к самому борту машины, бросают цветы. Но... в машинах уже нет места для них! Они завалены цветами до краев, особенно та, в которой едут товарищи Хрущев и Гомулка. Издали автомобиль напоминает огромную корзину с цветами самых ярких красок. Никита Сергеевич стоит в открытой машине рядом с тов. Гомулкой, размахивая шляпой. Толпа отвечает овациями, восторженными криками.

— Нех жие Хрущев! Нех жие Гомулка! Нех жие вешиста пшиязнь польско-радзежка!..

А некоторые просто и коротко кричат тов. Хрущев! — Браво! — Спасибо!

«Экспресс» вечерний — очень популярная у нас варшавская газета назвала статью, посвященную приходу советской делегации, очень тепло, просто, сердечно и по-людски по-варшавски: «Добрый день, товарищ Хрущев!»

Да простят мне читатели «Литературной газеты» и мой варшавский коллега, автор статьи, но этот заголовок я решил дать и своему репортажу. Пусть наши советские друзья почувствуют, с какой теплотой и любовью встречаем мы их посланцев.

Добрый день и вам, дорогие друзья! Спасибо!

Зигмунд БРОНЯЕК,
польский публицист
ВАРШАВА, 15 июля. (По телефону).

Памятное событие на «Красном Выборгце»

«ДЕНЬ ГОРЬКОГО» недавно проведен на ленинградском заводе «Красный Выборг» в честь тридцатидесятилетия памятного в заводской истории события — в июле 1929 года Горький был гостем красноваршавцев. Приехав на завод, Алексей Максимович обошел все основные цехи, знакомясь с производством. Почти час провел он в технической библиотеке, побывал в цеховых столовых, беседовал с рабочими.

О своих впечатлениях он коротко рассказал в письме в редакцию заводской многотиражки. Фотокопия этого письма вывешена сейчас на особом горьковском стенде в помещении технической библиотеки. Вот его текст:

«Многое здесь на «Красном Выборгце» удивило и обрадовало меня, а больше всего — шламование производство. И не только потому что из мусора, из грязи рабочие добывают серебро и золото. Разумеется это — удивительно, как творческий процесс разума, но я обрадован скрытым смыслом процесса.

Вот так из грязи и сора про-

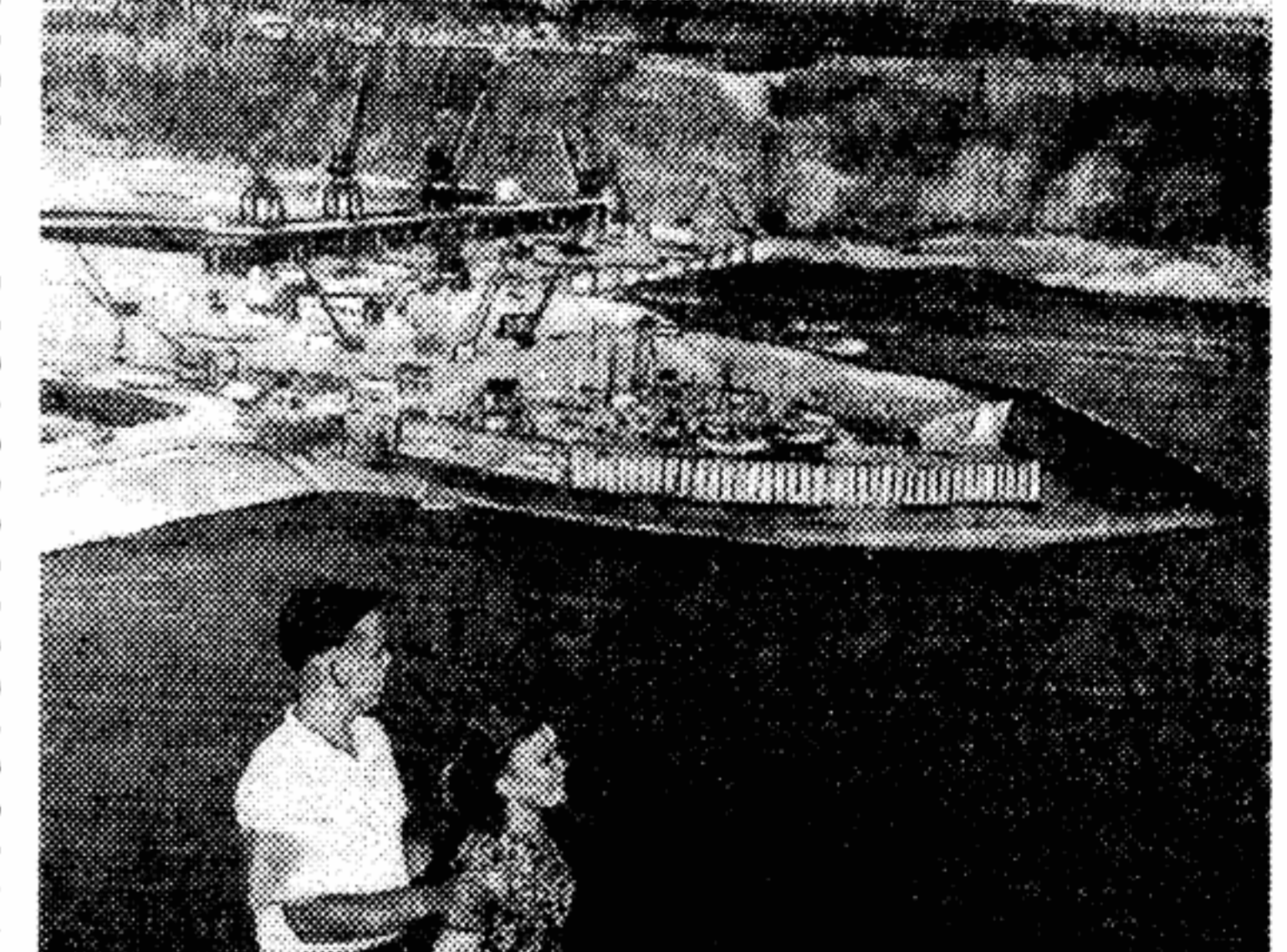
лого, из хаотического наследия буржуазии рабочий класс должен видеть — и уже выделяет — все то высокоценное, действительно культурное, что создано веками труда и войдет в новую культуру, которую строит рабочий класс.

М. Горький

Горьковский день на заводе начался выступлениями ленинградских литераторов в цехах. А по окончании работы весь коллектив предприятия собрался в клубе. Здесь красноваршавцы увидели новую картину художника П. Белоусова на «А. М. Горький на «Красном Выборгце»».

Живо и увлекательно о своих встречах с Горьким рассказал писатель М. Слонимский.

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.)

Бригады монтажников Братской ГЭС Константина Пантелеевича Кожедубова и его жена лаборантка гидротехнической лаборатории Галина Яковлевна в выходной день.

ПО-БРАТСКИ ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ!

Открытое письмо коллектива строителей Братскгэстроя

ДРОГИЕ ДРУЗЬЯ! Мы адресуем это письмо ряду коллективов строев, промышленных предприятий, научных учреждений, а также родственному нам коллективу строителей Красноярской ГЭС. Оно продиктовано решениями недавно закончившего свою работу июньского Пленума ЦК КПСС и родилось в результате нашего искреннего стремления выполнить их как можно полнее и лучше.

Для досрочного выполнения семилетки есть много возможностей. Самой действенной мы считаем братскую помощь одного коллектива другому. Однако мы недостаточно пользуемся этой могучей и плодотворной силой. Ценный практический опыт многих передовых предприятий до сих пор не становится достоянием всех остальных коллективов. Объясняется это тем, как нам кажется, что все еще не найдены действенные и активные формы распространения передового опыта.

Многотысячный коллектив гидростроителей Братскгэстроя сооружает на сибирской реке Ангаре, в еще не освоенном и не обжитом районе величайшую в мире гидроэлектростанцию. В больших масштабах он ведет жилищное строительство и создает большой комплекс промышленных предприятий. Объем всех этих работ очень велик.

Мы, как и всякий другой молодой коллектив, нуждаемся в помощи со стороны более старших и опытных коллективов строителей. Мы хотели бы, чтобы над нами взяли братское шефство коллективы строителей города Ангарска, Главгэстроя и Главспостройматериалов при Мосгорисполкоме и помогли нам своим богатым практическим опытом в организации крупноплощадного и крупноплощадного жилищного строительства, а также в создании производственной базы современного промышленного домостроения.

Коллективу Братскгэстроя поручено строить Коршунский железорудный горнообогатительный комбинат производительностью 12 миллионов тонн руды в год. Но, не имея достаточного опыта сооружения таких предприятий, мы нуждаемся в братской помощи со стороны коллектива строителей горнорудного комплекса Кривого Рога.

Нам строится крупнейший в Союзе лесопромышленный комплекс предприятий, который будет перерабатывать 4 миллиона кубометров древесины в год. Такой комплекс еще никогда и нигде не строился. Поэтому нам нужна помощь со стороны коллективов, строивших лесохимические и другие предприятия по переработке древесины.

В процессе сооружения самой гидроэлектростанции, Коршунского горнообогатительного комбината и Братского лесопромышленного комплекса мы должны выполнить большой объем земельно-сапных работ — около 30 миллионов кубометров. Для организации выполнения этих работ нам нужна помощь Академии строительства и архитектуры СССР в части внедрения передовых методов бурозарынных работ.

Мы просим коллективы названных предприятий, строев и учреждений обсудить нашу просьбу и сообщить решение. Испытывая необходимость в братской помощи, мы сами готовы оказать ее всем родственникам нам стройкам. Мы предлагаем свою помощь коллективу строителей Красноярской ГЭС.

Дорогие товарищи и друзья, строители гидроэлектростанции на Енисее! Обстоятельства сложились так, что наша стройка разверну-

лась несколько раньше, чем ваша. Мы уже выполнили около 20 процентов общего объема работ и перешагнули один из труднейших в нашем строительстве рубежей — перекрыли великую Ангару. Строители Братской ГЭС оказались по отношению к строителям Красноярской гидроэлектростанции в положении старшего брата. Поэтому мы и просим вас отнестись к нашему обращению по-дружески, по-братски.

Оба наши стройки семилетки — два огромных звена единой энергетической системы Сибири. Со временем ей суждено влиться в единую энергетическую сеть нашей могучей страны. Результаты вашего и нашего труда будут служить общенациональному делу. Когда наши гидроэлектростанции вступят в строй, они будут настолько тесно связаны между собой, что дополнят друг друга во время изменений расходов воды в Енисее и Ангаре.

Ваша и наша стройки имеют очень много общего. Мы с вами работаем почти в одних и тех же климатических и геологических условиях. У нас и у вас будет почти одна и та же могучая техника. Да и сам ваш красавец Енисей — родня красавице Ангаре. Словом, вам и нам предстоит в процессе сооружения гидроэлектростанций решать много одинаковых задач и вопросов. Поэтому все, что есть у нас сейчас лучшего, мы готовы передать вам — всему вашему складывающемуся коллективу.

Как мы представляем себе нашу братскую помощь! Мы готовы поделиться с вами самым дорогим, чем располагаем, — практическим опытом решения сложных задач в условиях, очень близко сходных с вашими.

Вы пересматриваете проект своей гидроэлектростанции, стараетесь улучшить его, найти новые решения для применения наиболее совершенных конструкций и современного оборудования и уже достигли многого. Но давайте встретимся, чтобы совместно обсудить и проветрить вашей гидроэлектростанции, и систему ее строительства, и принятые вами новые решения. Думаем, что наш практический опыт окажется вам полезным.

Вы готовитесь к развороту работ — к той стадии их выполнения, которую мы уже проходим. Давайте обсудим ваши планы сообща. Мы охотно поделимся с вами нашими мыслями, а главное — опытом нашей работы, и скажем, что нужно делать, чтобы вы не повторили наших ошибок.

Великое создание материально-технической базы коммунизма ширится и развивается с каждым днем. Его масштабы нескладно растут. Мы думаем, что коллективу строителей Братской ГЭС после завершения работ у Падунских порогов предстоит строить новые гидроэлектростанции на Ангаре и других великих реках Сибири. Мы будем искренне рады, приступая к строительству любой из порученных нам таких ГЭС, оказаться в положении младшего брата у коллектива Красноярских гидростроителей. Мы с благодарностью воспримем тогда все лучшее из того, что вы создадите в процессе строительства своей гидроэлектростанции.

За обмен опытом, за братскую помощь друг другу!

От имени коллектива строителей: начальник Братскгэстроя И. НАЙМУШИН, главный инженер А. ГИНДИН, секретарь партийного комитета Б. ШЕРГИН, секретарь Братского горкома КПСС С. ГЕОРГИЕВСКИЙ

БРАТСК

Плотина

НИ ОДНА река не производила на меня такого впечатления, как Ангара.

А рек я повидал в своей жизни много. Еще мальчиком ходил на лодке под обшивками парусами по мелководью Волге, потом, повзрослев, плавал по ней — по «главной улице России» — от замшелого истока на моренной гряде Валдая до устья, где цветет лотос — цветет египтян.

Такой же путь совершил затем по Енисею, таинственному и грозному, от высокогорных озер на Тодже, питающих студеной водой доуглавою могоучую реку, до самого Ледовитого океана. Плавал я по Лене от сырых в тайге ее истоков до разрезанного Шемаханьского хребта. Ходил по чарующему Днепру и нетихому Дону, по Амуру и Печоре, по Каме и Оби, по Оке и Вычегде. Спускался вниз по Иртышу от Тополева хыса на мелководном Зайсане, поросшем камышом, до самого его устья — до встречи Иртыша с Обью. В общем, за многие годы получил вполне достаточное представление о больших и малых реках Родины.

Видел я реки и в других странах, на других материках. Видел могучую Янцзы в Китае и там же, в Китае, плавал на сампана по Хуанху в Шанхае. Видел священный Нил, гордость Африки, и зеленоострунный Рейн за Бонном. Видел славенные кораблями и ферритами Эльбу в Гамбурге и Шельду в Антверпене. Но, повторю, ни одна река не производила такого, до ошеленения страшного впечатления, как Ангара.

Околовала она сразу с первого взгляда. Первая встреча состоялась четверть века назад. Стояла суровая зима. Трещали хоромы. А тут начался заторы. Ангара вышла поверх льда из берегов, ринулась к домишкам. Какие-то смельчачки пытались взорвать ледяные заторы. Кто-то даже стрелял из старой пушки. К воде вышел встревоженный крестьянин К. Но, не обращая ни малейшего внимания на тщетные потуги людей, Ангара продолжала свое...

В ту пору через бурную, киплящую реку собирались навести горной мост. Он был крайне необходим Иркутску, его ждали. Но сколько ходило тогда по городу тревожных слухов и неслуховых слухов! Утверждали, что неистовая Ангара не смирилась, что рухнула все попытки построить мост в прошлом, не одобровать и теперь.

К Ангаре боялись подступиться. Представьте себе на минуту весь глобоководный Байкал в виде своеобразной водонапорной башни, поднятой в высоту на 380 метров над устьем Ангары. Вот с такой высоты и движется под уклон гигантская водная лавина. Ангарский поток, находясь в движении, развивает колоссальную энергию, которую можно было бы получить, скажем, при сжигании миллиарда тонн нефти.

То сужаясь, то расширяясь, мчится Ангара по изломанной дуге с востока на северо-запад. Мне привлекло совершить путь от истока — Шаманского камня — до устья Ангары, перебираясь через шивера и пороги то на плотах, то на лодочках. Я видел, как должна

реки становилась просторной, солнечной, в русле возникали острова, но тут же исчезали, и вновь мелькали скалы.

В Братске, старинном сибирском городе, более древнем, чем Иркутск, пароходы делали последнюю остановку и поворачивали в обратный путь. За Братском дбылись один за другим непроходимые пороги, прерывавшие дорогу в низовья. Вот где было настоящее пекло Ангары, какой-то чертов котел, в котором все бурлило и клокотало.

Этот «район кипятка» давно привлекал к себе внимание гидротехников — река развивает здесь колоссальную, невиданную энергию.

Не сразу и не вдруг схватились советские гидротехники с Ангарой.

Они возвели плотины на Волхове и Днепре, на Волге и Дону, на реках Алтая и Кавказа, Кольского полуострова и Средней Азии. Они создали свою, передовую советскую школу гидротехники, произвели множество расчетов различных плотин, построили модели и поставили их в потоке микроскопической лаборатории Ангары. Но даже на модели, уменьшенной в тысячи раз, горная буйствующая Ангара проявляла свой дикий и суровый нрав. Она не признавала ничего, что было уже придумано для покорения других рек.

ПЛОТИНА! Только она может остановить реку и подчинить ее человеку. Любая плотина, на первый взгляд, проста, несложна и, в сущности, как будто ничего особенного собой не представляет: преграда как преграда. Но вспомните самые привычные ваши столкновения с водой. Открывая, например, утром водопроводный кран, вы плещетесь, играете с шумной струей. Теперь поднесите к крану ладонь, на мгновение преврите безобидную струйку, и тогда певучая водичка так ударит вас по пальцам, так отшвырнет ладонь, что вымг познате ее силушку загнанной в трубку стихии. Что же го-

ворить о могучем речном потоке, легко перетирающем в песок камни!

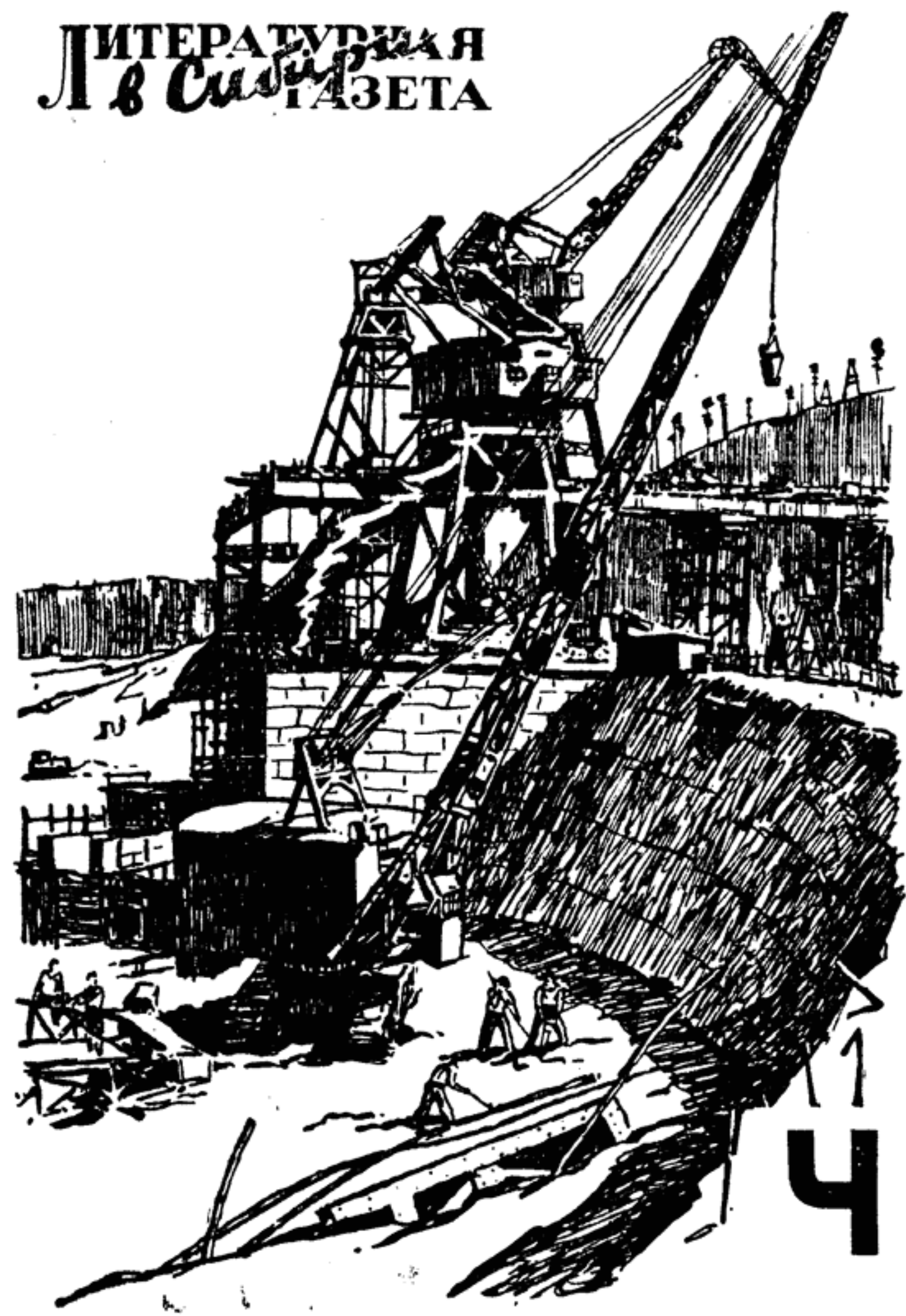
Вода так могуча и опасна, что американская школа гидротехники запретила строить плотины на зыбких песчаных и глинистых основаниях. Это утверждение почиталось как непререкаемый закон. Но закон этот обескураживал гидротехников, признавал примат слепого, необузданной стихии. Подобный закон лишил возможности возводить гидротехнические станции на таких многоводных равнинных реках, как Волга, Дон, Свирь, где не было скальных оснований, — следовательно, подорвал электрификацию СССР.

Советская школа гидротехники в ответ создала свою, смелую и оригинальную теорию, позволяющую построить тяжелые плотины на песчаном и глинистом основании. Подобные преграды возведены на Свирской, Цимлянкой, Угличкой, Рыбинской и многих других гидроэлектрических станциях страны.

Реки-гиганты Востока, прорывающие себе дороги в горы, потребовали иных плетей, новых приемов и схем строительства ГЭС и искусственных морей.

Проектировщики получили для первой ступени Ангарского каскада три тщательно исследованных створа: один намечался около деревни Мало-Разводнической под Иркутском, второй — Большая-Разводнической у села того же названия и третий — Иркутский — в черте города. Из всех этих трех вариантов предстояло выбрать один.

Исключили Большая-Разводнический створ — он был наихудшим в геологическом отношении и угрожал опасным оползнем. Отвергнут был и Иркутский створ — строение русла здесь было ненадежно, и, кроме того, требовалось переселить от реки целые кварталы города и строить высокие дамбы и плотины для защиты Иркутска от искусственного моря. Только третий — Мало-Разводнический — был признан наиболее удобным.

УТРО В БРАТСКЕ

Толчется, тычется мошкА,
Туман над поймой стелется...
Летит мошкА, как из мешка,
Как мелкий дождик сеется.

Над Ангарой карниз навис,
И вот — в косынке газовой —
Геодезистка смотрит вниз
С вершины диабазовой.

А там, внизу, с рекой борясь,
Стоят быки бетонные
И волны мечутся, ярясь,
Плотину плетенные.

А там, внизу, порталный кран
На вахту встал трехсменную...
Вползает солнце в котлован,
Как в новую вселенную.

Сергей ОСТРОВИО

БУДЬ СЧАСТЛИВ, ДИМА!

ПЕРВЫЙ раз я увидел Диму Миронова за день до того, как был сделан этот снимок. Всей писательской бригадой мы пришли в общежитие на улице Гидростроителей встретиться с бывшими школьниками из Татарии. Они вместе с учителем литературы год назад приехали на Братскую ГЭС.

Казалось, мы не в общежитии строителей, а в светлом классе, откуда вынесли парты, что перед нами не рабочие, а школьники, только вступившие в жизнь. Да и речь шла о школе, о родном Черемшане, о том, как решили ехать в Братск, как написали письмо в ЦК комсомола с просьбой помочь, как ждали ответа, упорно готовились к экзаменам, ибо отступающих постановили не брать, как прощались с родителями, как, жадно глядя в окна вагона, вступали в огромную и маяющую Сибирь.

Ребят хорошо приняли, поселили вместе. Школьники во главе с учителем сначала стали бригадой бетонщиков. Постепенно каждый нашел свое место на стройке. Дима сделался плотником.

Стройку или целину, а такой-то остался в своем колхозе, создал бригаду животноводов. Большого счастья, большой дружбы вам, школьные товарищи, идущие на передний край коммунистического строительства!
Валентин БЕРЕСТОВ

ЧЕЛОВЕК ПОКОРЯЕТ АНГАРУ

ДЕТСТВО ГОРОДА

Е. СТРОГОВА

ДОЛГО мы не могли разобраться: где же все-таки находится город Братск?

— Сказать по правде, мы сами иногда запутываемся во всех наших Братсках! — сказал мне в шутку главный архитектор города Георгий Михайлович Химинашвили. — Их в черте города двенадцать. Сейчас в тридцати километрах отсюда мы строим еще один, совсем новый Братск — город на сто — сто двадцать тысяч жителей для строителей и рабочих будущего гигантского лесопромышленного комплекса и для других предприятий.

Как там ни гадай, где здесь Братск, а где не Братск, но в итоге переписи населения 1959 года мы обнаружили отчетливо значащуюся за городом Братском цифру — 51 тысяча жителей.

Все эти поселки и городки раскинулись уже сейчас на добрых пятнадцать километров. Их должна связать электрическая железная дорога: пути уже проложены, строятся подстанции, надо ставить опоры.

Сюро положение несколько упростились: часть поселков, возникших стихийно, уйдя на дно моря. Скоро разберут, погрузят на поезда или машины и перевезут поближе к плотине, на левый и правый берег, Братск-Первый, а на его месте будет плескаться огромное море.

А вот этот Братск — Постоянный, где мы сейчас остановились, — окажется на большом, далеко выступающем в море полуострове, и волны с шумом будут биться о его берега.

Мы идем по Набережной улице этого поселка. Не случайно она почти на всю свою длину застроена с одной стороны; с другой стоит тайга, но будет здесь море.

Набережная улица красива. Вы идете по большим каменным плитам тротуаров, вдоль зеленых заборов с белыми ажурными проземами. За заборами — изящные деревянные коттеджи. Здесь еще сохранились от тайги отдельные сосны, но их уже мало. И мы видим старое стремление жителей коттеджей и зелени: вот кто-то пересадила из леса к своему дому несколько высоких березок с осветлительными белыми стволами. Им десять-двенадцать лет, не меньше, но они отлично прижились, здесь на местных красных супесчаных и потряхивают листвою под вечерним ветерком. Кто-то перетащил на свой участок юные шельковистые лиственницы, поражающие взор своей изумрудной зеленью на фоне темных сосен.

Вокруг этих пересаженных деревьев идет оживленная дискуссия. Местные агрономы утверждают, что на одесней странной, малиновой и лиловой, земле не может, не должно ничего расти, что нужно возить за десять-пятнадцать километров чернозем, чтобы вывелисти в Братске хоть один живой росток.

Архитектор Химинашвили, борясь за зеленый Братск будущего, доназывает на опыте, что агрономы неправы. Георгий Михайлович таскает на себе деревья из леса и сажает их прямо в супесинки. Он сеет траву на красных землях, поливает их, трава растет пышно, а деревья приживаются все до одного. Архитектор выступает с пламенными лекциями перед молодежью, а молодежь следует его примеру.

Три параллельные улицы — Набережная, Гидростроительная и Пролетарская — составляют костяк поселка.

Никогда мне не приходило в голову более удивительного деревенского городка. Может быть, он так хорош, пока еще совсем не и в золотистые сосновые брусня, из которых он возведен, не успели потемнеть?

Вот тянутся кварталы двухэтажных 8-квартирных домов и общежитий. Они стандартны, но в то же время неповторимы: один с балкончиком, другой с необычно оформленным крыльцом; у одних рамы окрашены в нежно-зеленый, у других — в ярко-голубой,

у третьих — в красный цвет; у этих в узких ящиках, подвешенных под окнами, цветут настурции, у тех — какие-то белые звездочки.

Особенно хороши общественные здания, клубы, кино, созданные из дерева. Кинотеатр «Падун» и клуб «Комсомолец» построены в виде шатра, который поддерживают деревянные колонны; они украшены своеобразными резными нащитами, а сверху извиваются тонкой спиралью. Все это напоминает не то сказочную избушку на курьих ножках, не то давно виденную и очень привлекательную северную архитектуру, только в более радостном, светлом варианте.

Дворец спорта на берегу будущего моря — это другой образец крупного строительства из дерева. Сочетание массы стекла со светлым веселым деревом — вот удачно найденное архитектурное решение этого здания. Когда дворец окажется наконец у берега моря, он будет хорошо сочетаться с прозрачной ангарской водой.

Но и сейчас главную прелесть этого города составляет мелькающая сквозь сосны Ангары, волшебная красавица с поросшими лесом островами, зеленоватыми протоками, с грозным осязком Падуна, где постоянно кипит вода, а зимой, как на мельнице, перемалываются льдины, с синюющими вдали горами, где уже мерещится белый силуэт высокой стометровой плотины, зажатой между скалами.

И все-таки особенно красивы все эти деревянные домики среди остальной тайги — бронзовых сосен с высокой кроной.

Осенью и весной начнется массовая посадка деревьев в поселках Братска — сосен, лиственниц, берез, осин. Их можно брать пока со дна морского. Особенно ждет этих посадок правобережье: ведь здесь тайга сведена начисто! Пора садить цветущие кустарники, черемухи, сирени. Но ни в одном из братских поселков пока, к сожалению, не заложены питомники, а из Иркутска деревья можно везти только самолетом.

В каждом городе есть свои беды. Для сибирских городов с их просторами и огромными расстояниями общим бедствием стали связи, коммуникации. А в Братске, кроме того, все пути преграждает мерзлый грунт. Построили большой красивый поселок, а теперь надо поднимать улицы, дороги, дворы, чтобы протянуть нитки водопровода, канализации, трубы, подающие тепло. Их надо упрячь ватать глубоко в промерзающую землю, которая зимой становится крепче гранита и с трудом поддается даже взрывам. Гострой требует, чтобы для каждой нитки проводилась своя, отдельная траншея, а между траншеями, чтобы было соблюдено расстояние не меньше пяти метров.

— А почему бы не соединить все трубы в один коллектор и не пустить их вместе с теплопроводом? — спрашивают себя строители Братска. — Ведь тогда можно было бы рыть неглубокие траншеи, метра на полтора, и они бы не промерзали.

Но у Гострой одинаковые требования как и южным, так и в сибирском стройкам. Гострой не поддается ни на какие доводы о грунте, промерзающем на восемь метров на долгие девять месяцев.

Мне хочется взглянуть хотя бы в недалеком будущем Братска. И архитектор Яков Григорьевич Грозовский показывает на чертежах, как будет выглядеть город Новый Братск, который он проектировал.

Этот город, расположенный на берегу Братского водохранилища, в 30 километрах от поселка Пурсей, будет иметь свое особенное лицо. Берег здесь создается неестественный, изрезанный глубокими и узкими заливами — фьордами. Естественно разбить на полуостровах густые парки с вьющимися между деревьями тропинками. Водохранилище разольется широко, на шестнадцать километров, его будет видно и с набережной, и с несколькими приподнятой центральной площади, откуда зеленый бульвар будет обогать к морю. Противоположный берег будет проступать вдали только в ясную погоду.

На берегу, среди деревьев, мы видим стадион на десяти тысяч мест и большой железобетонный дворец спорта.

Центр города построит из камня, из железобетона. Но строить его начнут только в 1961 году, когда здесь будет создана своя строительная база. По той же причине не создается пока и каменный Центральный поселок на левом берегу Ангары.

В Новом Братске строят сейчас деревянную половину города, несколько микрорайонов. Деревянные двухэтажные дома, такие же, как на левобережье Ангары: с однокомнатными и двухкомнатными отдельными квартирами. В другом микрорайоне государство строит индивидуальные домики-дачи для пенсионеров и инвалидов Отечественной войны, которые переселятся сюда скоро из затопляемых районов.

С самого начала в новом городе норма жилой площади на душу населения составляет 9 кв. метров, но лет через десять она обещает подняться до 12 кв. метров.

Микрорайоны раскинутся естественно, следуя рельефу местности. Большая петля круговой магистрали соединит все части города и позволит вывести транспорт из самих микрорайонов. Все современные принципы градостроительства применяются здесь: каждый микрорайон получит свои детские учреждения, школы, магазины, мастерские, прачечные.

Группа больших универмагов расположится в центре, за городским театром. Домом общественных организаций и многоэтажной гостиницей.

Среди микрорайонов сохраняются плотные массивы зелени, парки и городские сады создаются прямо в девственной тайге: сюда надо подсадить только липу, цветущие кустарники, цветы. В районе индивидуальной застройки трех-четырёхкомнатные домики будут утопать в садах.

Вот что такое новый город в Сибири! Люди приезжают сюда для того, чтобы работать и жить уже в культурных условиях, в отдельных благоустроенных квартирах. Молодежь сможет сразу поступать учиться на вечерние курсы, в вечерние школы и институты. Здесь скоро будут большие театры из железобетона (пока в маленьких деревянных клубах негде даже расположить декорации), а в новом городе собираются строить и свой ретрансляционный телевизионный центр, связанный с Иркутском.

В Новом Братске никто уже не будет рыть землянки и жить в зеленых палатках. Новоселы войдут прямо в готовые дома.

Люди едут не в тайгу и не в землянки. И не больше палаточной романтики на больших стройках Сибири!

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ ШАГИ СТРАНЫ

Посвящается днепростроевцам, ныне работающим на строительстве Братской ГЭС.

Тяжелую руку
Снимаю по-братски
Товарищу славной минувшей поры,
Стою на плотине,
У воздвигнутой в Братске,
У синей, как небо, воды Ангары.

Напомнили нам
говорливые воды,
Что в самом разгаре суровой страды
Нелегкой
двадцать девятого года
И видели первую кладку бетона,
Литые бадьи, поседов косыки,
По рельсам бегущие
в бездне бездонной
Скалистого дна покоренной реки.

...Исчезла пред нами река Ангара,
Мы видим обрывистый берег Днепра
И грузный фундамент огромного
здания
У древней скалы под названием
Хоханья.

У древней скалы, где во славу труда
Горит по ночам золотая звезда.
Над миром промчатся несчетные годы,
Но в будущем каждому вспомнится
вновь,
Что путь большевистский
в днепровские воды
Пошел от скалы,
что зовется Любовь...

Мы видим опалубку желтые горы
И толщу бков, нарастающих в них,
Красивый, шумливый, невиданный
город,
Стоящий на скалах меж стен водных.

Мы видим несчетные тысячи рук
И вантовых дерринов
несколько штук.
На трактах широкой днепровской
равнины
Не часто пылят одиночки-машины.
На двух берегах от зари до зари
Толпятся телеги, идут грабави.
В ладонях работников плотно зажатые
Мотыги, кирки, топоры и лопаты.
Снимают породы упористый слой
Один экскаватор на весь Днепрострой.
Оглобли участки от стука и звона
Старинных бурильных станков
Сандерсона.

Станки слабосильные, в ходу тяжелые,
Им трудно ломать бастионы скалы...

Но быстро и ловко
на дне котлована
Работу ведут паровозные краны!
К высокому небу, гремя и гуля,
С платформ, как птица, взлетает
бадьа,

К опалубке мчится дорогой прямою,
Несомая крепкой, железной рукою,
И льется бетон в неширокий загон,
Где ноги людей
уминают бетон.

Это не выдумка,
Это не сон,
Люди в лопатах
Уминают бетон.
Люди в лопатах
Уминают бетон,
Но звонкою песней
Их труд окрылен:
— Веселее ходи!
Подвиги бадьи!
Снежи, пляши,
Не жалея души!
На тугой бочок
Подымай бычок...

Воля единая,
Тысячи рук,
Жестких дерринов
Несколько штук...

...Исчезли виденья давнишней години.
Пред нами она —
Ангара! Ангара!
Не видно людей в котловане плотины,
Видны экскаваторы
и трактора.

Бульдозеры, буры, катки, самосвалы,
Машины безотказных густые ряды,
Чья мощь победила, смирила, сломала
Упорство земли и безумье воды.
Со дня уборки грунта и камня,
Машины ведет человечья рука
Свободным, рассчитанным,
легким движеньем,
Нажатием кнопки, шажком рычага.
А там, на высоких путях эстакады,
Чей мост широченный машинной
взнесен,
Стального порталного крана громада
В чутунных ковах подымает бетон,
Несет на быки, что растут над рекою,
И рослый бетонщик, вибратор держа,
Легко уминает умелой рукою
Густую тяжелую ношу коша.

А на берег лавиною движутся ЯАЗы.
Несчетные краны гремят и гудят.
Стоит у горы, у стены диабоза,
Гигантский машинный грабави —
земснаряд.

Он скоро втрется в речные глубины
И, грузью встречая ангарский поток,
До самых вершин
стометровой плотины
Подымет рассыпчатый грузный песок...

Богато живет
Река Ангара.
Бетонный завод
Я видел вчера.
Моторы свершали
Стремительный бег,
А в маленьком зале

Советский наш край! Дорогая Россия!
Ты к цели шагаешь дорогой прямою,
Ты счастье земное построить сумела
И бурной волною вливаешь в сердца
Ту силу,
которой не сыщешь предела.
Ту радость,
которой не будет конца...

Один человек
У плульта командовал
Всеми цехами...
Красавцы-машины
Все делали сами.
Разумно живет
Река Ангара.

Я плотников здешних
Увидел вчера.
Они для работы
Несли на скалу
Электроустановки,
Электроустановки,
Электроустановки,
Электроустановки...

Прекрасно живет
Река Ангара.
Я в Братске с людьми
Проводил вечера.
Богаты товарищи
Ширью души.
Беседы сердечны,
Умы, хорощи,
Дружны эти люди,
Уютен их дом...
Но хочется мне
Говорить о другом.
Немедля увидишь,
Куда ни зайдешь,
Учебник, тетрадь,
Готовальню, чертеж.
Ветерий порою
Юнец и старик
Склоняются рядом
Над строчками книг.
И каждая комната
В эти минуты —
Частина
Зачного института...
Рабочего люда
Не сыщешь чудесней!
Счастливые лица,
Веселые песни.
Здесь царство труда,
Красоты и добра...
Красиво живет
Река Ангара!

...Стою на плотине,
простившись по-братски
С товарищем славной минувшей поры.
Мы виделись в Кичкасе,
встретились в Братске,
Шагнули с Днепра к берегам Ангары,
Мы видели трудные годы былые,
Мы видим
сегодняшний день трудовой...

Плотина

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

БЕТОН! Вот материал, без которого, как без воздуха, здесь не обойтись: уж очень сокрушительна напор Ангары.

Проектировщики плотины учли: в Сибири теперь есть свои цементные заводы, а вскоре их будет еще больше. Но тут в жизнь вошла семилетка. Она всколыхнула Сибирь, раскрыла невиданный фронт новостроек, направила за Урал множество строителей, ассигновала миллиарды и миллиарды рублей на сооружение металлургических, химических, алюминиевых, деревообрабатывающих и многих других предприятий.

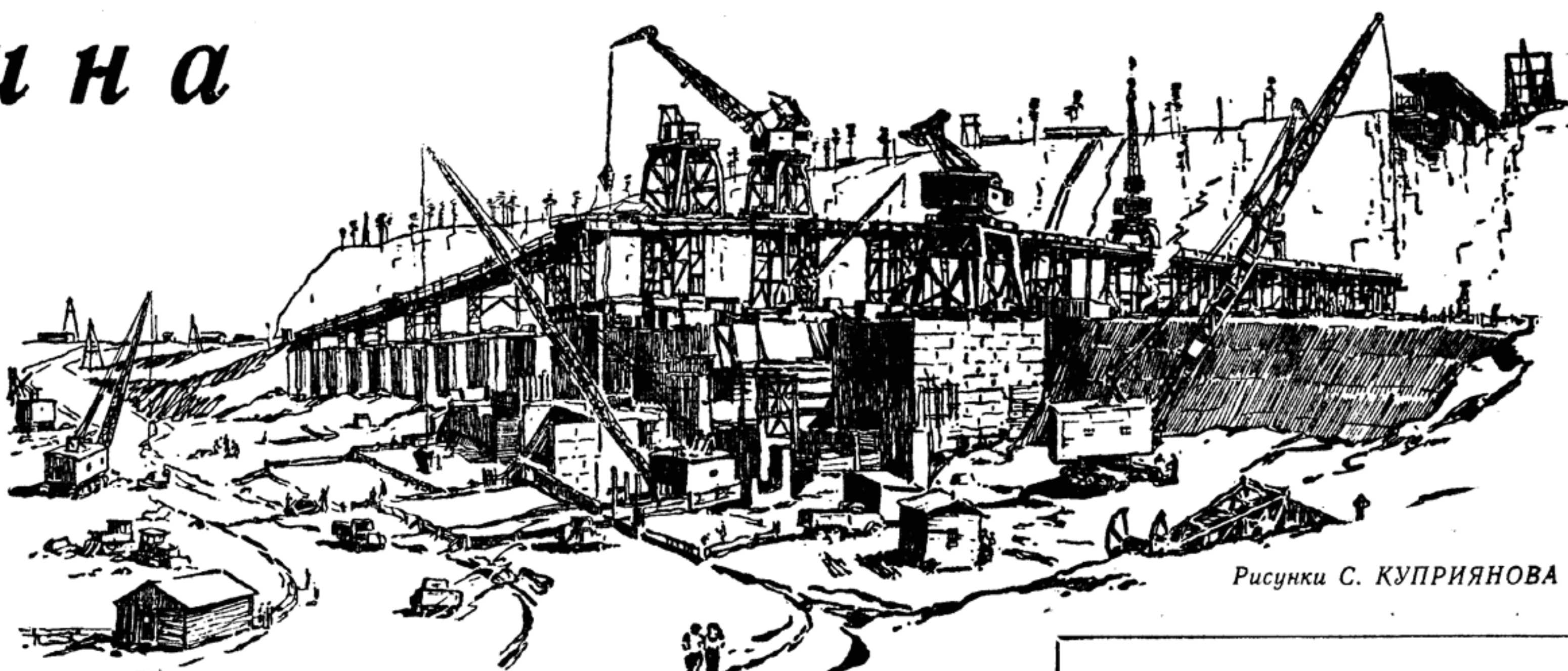
А для них нужен бетон. Соревнуясь со строителями тепловых станций, гидростроители ищут всевозможные возможности, чтобы удешевить стоимость ГЭС. Для этого нужно уменьшить объемы кладки бетона, повысить мощность генераторов.

Семилетка заставила проектировщиков пересмотреть проект. И вот — жданный результат: в плотину, здание ГЭС и другие сооружения Братского гидроузла будет уложено бетона на три миллиона кубометров меньше!

Напорный фронт образует уже не одна сплошная бетонная плотина, а комбинация из бетонных и земляных стен, причем земляные плотины займут почти вдвое больший фронт, чем бетонные. Опыт сооружения насыпной плотины Иркутской ГЭС позволил проектировщикам смело ввести это новшество и в районе Падуна.

Экономика бетона достигнута и за счет того, что плотина возводится из одного бетона, без арматуры, секциями длиной по 22 метра каждая. Между секциями вверные создаются уширенные швы — пустоты шириной по три метра. В плотине, кроме этого, будут еще созданы специальные галереи, лифты, переходы, что тоже уменьшит объем кладки бетона.

...Сидишь рядом с крановщиком, смотришь на Ангару, на диабазовые скалы, на бетоновозную эстакаду, охваченную нипением работы, замечаешь высвистывающую головкружательную высоту верхо-

На строительстве Братской ГЭС

Рисунки С. КУПРИЯНОВА

«НАШ ВТОРНИК»

О ЧЕРЕДНОЙ «вторник» «Литературной газеты», состоявшийся 14 июля, был посвящен встрече с бригадой московских писателей, работающих в выездной редакции «Литературной газеты» в Сибири. В этот день группа писателей отчитывалась перед редакцией о своей работе.

Странной будущую называют Сибирь — с ее гигантскими стройками, поднятой целиной, расступившимися городами, могучими реками. Такой и предстала она перед литераторами, захвативла их.

Руководитель бригады Е. Рябчиков, члены бригады К. Андреев, А. Безыменский, В. Берестов, В. Захарченко, А. Писменский, Н. Сторохов, Е. Строгова, Л. Ющенко поделились своими впечатлениями.

Рассказ писателей о большой жизни Сибири, о великих стройках на ее просторах сопровождался демонстрацией фрагментов будущего телевизионного фильма, снятого операторами Центральной студии телевидения Б. Пронихиным и В. Гордеевым.

ГРЯЗНАЯ РАБОТА ДЖОРДЖА АБРАМСА

ЭТО было два года назад, во время Шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Праздничная Москва встречала гостей всех стран света. Смех и улыбки царили повсюду.

Однако среди участников фестиваля были и такие, которые ходили мрачнее тучи. Ничто им не нравилось, на все они смотрели икоса. Одним из них был молодой американец Джордж Абрамс. Незадолго до фестиваля он окончил юридический факультет Гарвардского университета и, очевидно, в честь окончания университета, решил совершить вояж в Москву. Когда его окружали советские юноши и девушки, пытаясь завязать с ним беседу, Абрамс начинал читать клеветнический доклад по так называемому венгерскому вопросу, составленный незаконно созданной комиссией ООН.

Вернувшись в Соединенные Штаты, Абрамс развернул бурную деятельность: он писал статьи и давал интервью. Не страдая излишней скромностью, Абрамс утверждал, что за шестнадцать дней он, стоя на Красной площади, провел свои антикоммунистические агитбеседы с... 50 тысячами русских. Оставим на совести Абрамса утверждение относительно количества слушателей. Но все же деятельность в Москве, по мнению образцовых общеников молодежи на международных встречах мира и дружбы!

К сожалению, да, считает. И считает не только он один. Подленькие дела этого юнца-провокатора заметили кое-какие адекватные лица в США. Ему не пришлось искать себе работу после окончания университета, как тысячам других молодых людей. Ему ее нашли.

Один из последних номеров журнала «Ньюсуик» поместил заметку о подготовке американцев к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Вене. Оказывается, Джордж Абрамс руководит так называемой «независимой службой информации» о Венском молодежном фестивале». Как яствует из журнала, «независимая служба» пользуется «финансовой поддержкой группы известных бостонских бизнесменов».

Заведение Абрамса открыло на доллары американских промышленников два отделения — одно в Нью-Йорке, другое в Бостоне. Судя по всему, у Абрамса и его подручных работы полно. Они, пишет журнал «Ньюсуик», лихо радостно стараются включить в делегацию из 400 человек «как можно больше числа зрелых, информированных людей».

«Независимая служба» издает брошюры по самым различным вопросам, начиная от проблем абстрактного искусства и кончая положением в Тибете. Для участников фестиваля проводится 15-часовый инструктаж. На нем молодых американцев натаскивают, по свидетельству журнала, «эффективным способом наладения на коммунистическую пропаганду». Последнее словечко употреблено журналом явно для микровизи. Ибо никакой «коммунистической пропаганды» на фестивале молодежи никогда не было. Это, впрочем, понимают и сами деятели «независимой службы». При чем здесь «коммунистическая пропаганда», если участники фестиваля участвуют, как отвечает, например, индийскому (!) делегату на его вопросы о национальной культуре в Америке.

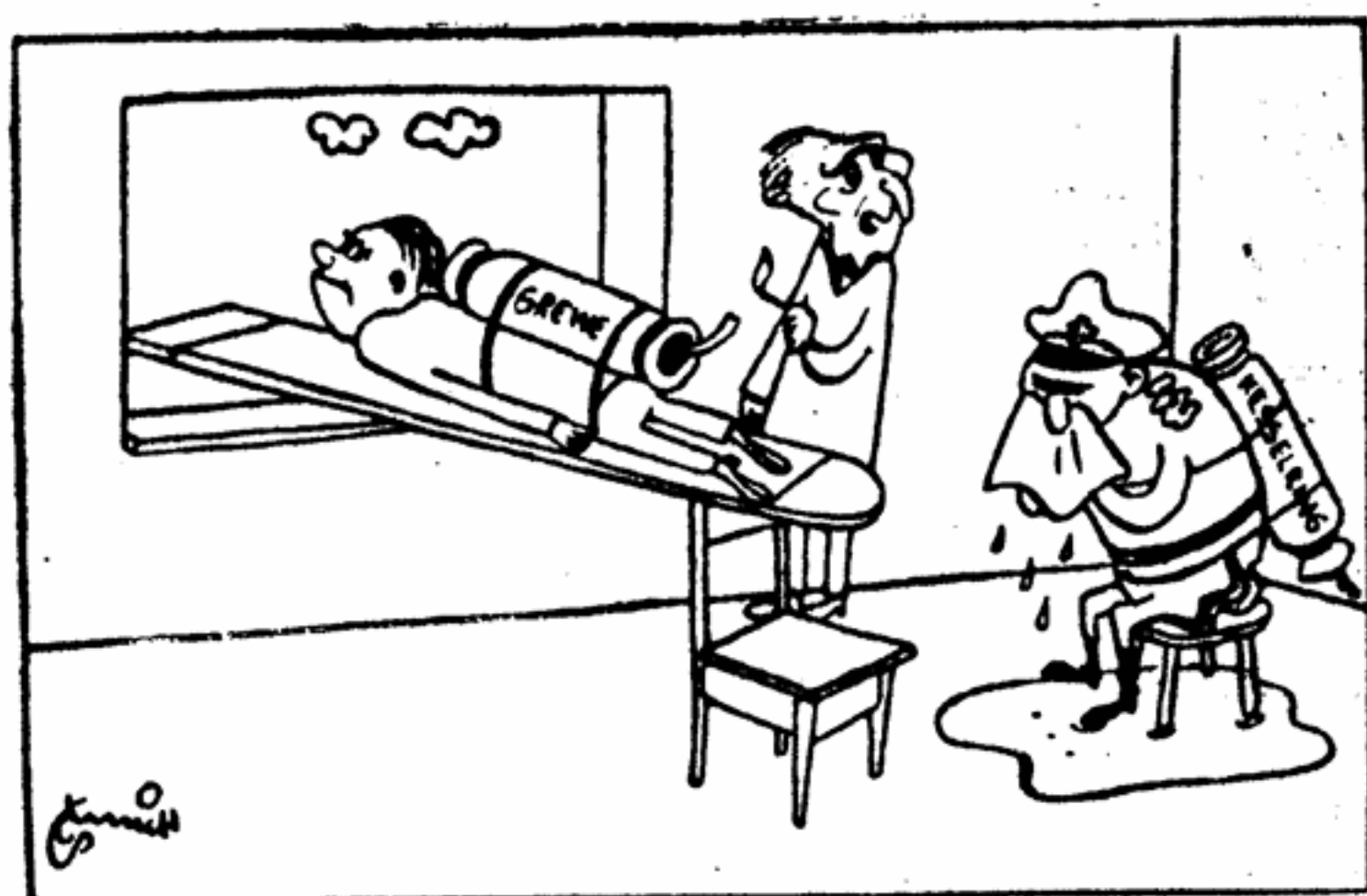
Но главное, конечно, в другом. Речь идет о том, что в Вену собиравшись забросить группу «зрелых, информированных людей», которые будут действовать по примеру своего Абрамса в Москве. Американские реакционные круги стремятся повысить стреле молодости в Вене. Однако совершенно очевидно, что им помешатель уже на грязных делах Джорджа Абрамса, им подготовленные им молодчики не смогут остановить растущее стремление молодежи к единству, дружбе и миру.

О. ВАСИЛЬЕВ

Реваншизм и в организации пытаются отравить политическую атмосферу во время Женевского совещания. Особый интерес представляют молодежи из союза «Стальной шлем», возглавляемому военным преступником Кессельрингом.

Аденгауз — Кессельринг: «Перестаньте вы рвать! Слава богу, у нас еще имеется достаточно военных преступников, которых мы можем послать на совещание в четырех. Отправим Грете!»

Рисунком из немецкой газеты «Берлинер цейтунг».

Греческие патриоты — жертвы полицейского террора — на скамье подсудимых. Крайний слева в третьем ряду — Манолис Глеозос.

Снимок из французской газеты «Юманите»

АФИНСКИЕ ПРОВОКАТОРЫ РАЗОБЛАЧЕНЫ

КАЖДЫЙ новый день приносит новое поражение организаторам позорного судилища в Афинах. Одно за другим, словно мыльные пузыри, лопаются дождевые утверждения свидетелей обвинения — патных агентов асфальта. Они разбиты показаниями тех, кто, не побоявшись преследований, пришел в здание суда на улице Академиас, чтобы выступить в защиту Манолиса Глеозоса. Их свисте ста человек — свидетелей записи, — видные общественные и политические деятели, бывшие министры, депутаты парламента, генералы, профессора, представляющие лучшее, честное, патристическое в Греции. Все они — люди разных взглядов и политических убеждений: лидер Единой демократической левой партии (ЭДЛ) Пасалидис, лидер партии «Демократический союз» Примонос, деятели буржуазных партий — либералы Пинтес и Баросис, прогрессист Волонгис, бывший член правой партии ЭРП Сапулоулос, бывший мэр Шрея Сапунакис, генерал в отставке Авгероулос и многие другие поднимаются на трибуну и твердо говорят: «Не верю». Таков ответ на вопрос председателя военного трибунала, считают ли они, что Манолис Глеозос повинен в шпионаже.

Провалилось все, на чем пытались построить обвинение афинские судьи. Разоблачена полицейская выдумка о будто бы состоявшейся встрече Глеозоса с одним из руководителей Компартии Греции Коляниясом. Отец сводной сестры Глеозоса Димитракиос сообщил, что 17 августа в 11 часов утра Манолис приехал в Рафину, местечко под Афинами, где провел свободный день в кругу родных. Как же он мог в то же самое время встретиться с

Коляниясом на улице Германику в Афинах?

Свидетели обвинения охарактеризовали Глеозоса как честного, мужественного патриота, человека, пользующегося уважением не только в Греции, но и далеко за ее пределами. Они разоблачают «процесс» как политическую провокацию, затеянную для расправы с демократическими силами страны. Обвинения Глеозоса в шпионаже, клевета об «угрозе», якобы создаваемой для страны деятельностью коммунистов, преследуют нехитрую, но ползучую цель. Афинские правители хотят повлиять на мировое общественное мнение, расшатать доверие к правительству Караманлиса, расчищать путь для американских ракетных баз на греческой территории, отвлекая внимание от подлинной угрозы свободе и безопасности Греции.

Провокаторы петляют, изворачиваются. Но им приходится туго. Провалившись в попытках приписать Глеозосу «шпионаж», они говорят теперь о «предрасположении к шпионажу». Им пришлось признать, что в сегодняшней Греции судят не за действия, а за «мышление». Можно уточнить: в Греции судят за мысли, неугодные греческим правителям.

Позорное судилище продолжается. Оно превратилось в суд над организаторами «процесса», в грозный обвинительный акт против людей без чести и совести, торгующих своей родиной.

За делом Глеозоса следит весь мир. Миллионы людей охвачены гневом и возмущением. Честные люди, совесть которых требуют: «Прекратить судебный произвол!»

ЧТО Я УВИДЕЛ, УСЛЫШАЛ, ПРОЧЕЛ...

Карл МАРЗАНИ, американский писатель

В ВЕСТИБУЛЕ Советской выставки науки, техники и культуры в Нью-Йорке, лицом к входу вывеска: «Перекрест мечи на орбитах». Мальчуган шести или семи лет с широко открытыми глазами смотрит на скульптуру и спрашивает: — Мама, что он делает? — Он делает мир, мой милый, — рассеянно отвечает мать. И, увидев недоуменное выражение лица сынишки, объясняет доступными ему словами смысл скульптуры. Но я не могу забыть ее первую непосредственную реакцию.

После нескольких посещениях выставки у меня сложилось твердое убеждение, что проблема мира — одна из главных проблем, владеющих умами посетителей выставки.

...У блестящего конуса советской космической ракеты особенно много людей. Гораздней американец лет вглядывается на молодого советского эскуровода.

— Почему не могут народы жить в мире? — спрашивает американец.

— Они могут, они, конечно, могут! — с искренней убежденностью отвечает гид.

— Но ваши книги не хотят... — Книжки? Кто вы этим хотите сказать? — недоумевает гид.

— Это политика.

— Ах, вот что.

— Почему они не хотят мира? Мы, американцы, предлагаем им все, включая инспекцию.

Советский гид улыбается смущенно. Он не хочет затевать политический спор, более того, он обязан не делать этого. К счастью, в разговор вступает другой американец.

— Это все не так просто. Не так просто? Мы же уступаем во всем. К спору присоединяется еще один американец. Хорошо одетый, интеллигентного вида человек. Возможно, врач или учитель. Мы собираемся снарядить ракетными снарядами — произносит он негромко.

— Это что — в целях мира? — Я бы не доверил им и кухонного ножа, — говорит один из посетителей. Несколько стоящих рядом человек одобряюще кивают головами.

— Но у русских есть атомные бомбы, — возражает коренастый американец.

— А у нас? — спрашивает друг.

— Но мы не станем применять их, — упорствует коренастый.

— Мы уже раз сделали это, — произносит спокойной, уверенный голос.

— Да, именно мы и никто другой. — К ним подходит один из работников охраны выставки и говорит: — Пожалуй, никаких политических споров.

Группа расходится, но один толстый, довольно флегматичного вида человек продолжает смотреть на конус ракеты. Он качает головой и шепчет как будто самому себе: «Лучше не связываться с ними».

Один из гидов рассказывает группе посетителей о постановке в СССР дела образования для слепых.

— Преподаватели, — говорит гид, — получают специальную подготовку для этой работы и 25 процентов надбавки к обычной учительской зарплате.

— А дети живут в интернатах? — спрашивает один из посетителей.

— Большинство слепых детей живет в интернатах, — отвечает гид.

— А вы откуда родом? — безо всякой последовательности спрашивает другой американец.

— Из Ленинграда, — отвечает гид, улыбаясь приятным воспоминаниям, и все вокруг слышатся ответными улыбками.

В основном отношении посетители характеризуются дружелюбием и удивлением. Они чувствуют себя здесь непринужденно, как у себя дома. Иногда посетители садятся за стойкой на платформе роль и играют. Все единодушно хвалит инструмент, великолепно «Эстония». Пока я стою около него, тоненький мальчуган в спортивной рубашке, коротеньких брючках в обтяжку, подвязанных вместо пояса веревкой, и в мягких туфлях садится за ролью. Он исполняет ноктюрн Шопена, как профессиональный пианист. Ему не больше двенадцати или тринадцати лет. Стоящая рядом со мною женщина, почкавая головой, сказала: «Ох, уж эти русские!» Поскольку мне показалось маловероятным, чтобы советский мальчуган ходил в Нью-Йорке в такой одежде, я крикнул ему: «Послушай, паренек, откуда ты родом?»

— Из Бронкса! — с гордостью крикнул он мне в ответ. Раздались дружный хохот окружающих нас публики, ибо в Америке бытует представление, что Бронкс (один из круп-

ных районов Нью-Йорка) — отсталое место в смысле культуры.

Среди посетителей выставки немало людей с прогрессивными взглядами, тех, кто на протяжении десятилетий мужественно отстаивал свои убеждения. С гордостью стоят они перед экспонатами.

Я слышал, как один из этих людей, профсоюзный деятель сказал сыну: — Из страны неграмотных крестьян Россия превратилась в страну, создающую чудеса. За всем этим стоит история!

То, что я слышал, подтверждается и письменными высказываниями. По всей выставке расставлены стелжи, на которых лежат книги отзывов. Многие посетители оставляют в них свои записи. Мне было особенно интересно прочесть эти отзывы, потому что «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью по этому поводу. Сохраняя видимость объективности, газета цитировала довольно большое количество отзывов; она отдала им целую колонку. Однако три четверти колонки было уделено антисоветским отзывам и только одна четверть — отзывам, выражающим одобрение выставке.

Таким образом, намеренно создавалось впечатление, будто бы большинство письменных отзывов было враждебными, тогда как на самом деле положение было как раз обратным. Я самым тщательным образом ознакомился с многими из этих книг, и в каждой, без исключения, положительный отзыв было в три, а иной раз и в пять раз больше, чем антисоветских высказываний.

Наиболее типичны были такие отзывы: «Вы совершили чудеса. Продолжайте ваше доброе дело, и да благословит вас бог».

«Шлю России мой поздравления. Давайте теперь вместе работать во имя мира».

«Великолепная выставка! Я все

можем лучше узнать друг друга и добиться мира».

Среди тех, кто хочет высказать свои чувства, немало людей, которые либо сами родители в старой России, либо их родители являются выходцами отсюда. Один из таких посетителей вспоминает: «Когда я жил в России, народ мало что знал там. Почти все кругом делалось иностранцами. Железнодорожный мост через Неман был построен французами. Электрические фонари на улицах были установлены французами, и так далее. Теперь эти времена прошли навсегда».

Отзывы пишутся на разных языках — немецком, итальянском, испанском; многие написаны на русском, один на арабском и один на китайском. Китаец написал длинную поему в три столбца, и рядом дан перевод свободным стихом. Темой поэмы служат советские успехи за сорок лет.

Я сижу и наблюдаю, как сверкающие эскалаторы плавно поднимают беспрерывный поток людей, самых разных, представителей всех слоев населения Нью-Йорка, а также и многих других штатов. Вот проходят рабочие в рубашках без пиджаков, вот идет совсем зеленая молодежь, за ними группа аристократических дам в модных туалетах. А вот явные южанки, я узнаю его по

плетеному галстуку; американца из Западных штатов узнаю по его шляпе; а вот идет сикх, это видно по его бороде и тюрбану.

Встречается много молодых парочек, которые бродят по выставке, держась за руки. Американцы приходят сюда целыми семьями, с бойкими детшками, но обращающими никакого внимания на дощечки с надписью: «не трогать руками». Очень много негров и жителей Пуэрто-Рико, внимательных, все запоминающих посетителей. До меня доносится обрывки разговоров, восклицания. Я вспоминаю рассказ Рабле о Ледовитом море, где однажды в воздухе замерзла слова мужчины и женщины, а когда мороз прошел и наступила ясная и теплая погода, слова начали таять и вновь стали слышимыми. И мне очень хочется, чтобы в этом «Коллесе» с его кондиционированным воздухом мы тоже могли бы заморозить слова, которые я слышу, и разбросать их над Москвой, где они, оттаяв на летнем солнце, рассыпались над городом радостным словесным фейерверком, потому что большей частью это были бы такие слова, как «великолепно», «фантаслично», «невероятно», «замечательно», «блестяще»...
НЬЮ-ЙОРК, 15 июля.
(По телеграфу).

Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон и председатель Английского комитета защиты мира Гордон Шаффер посетили Женеву, чтобы вручить министрам иностранных дел резолюцию, принятую 30 тысячами участников «Марша за жизнь» на Трафалгарской площади в Лондоне. На снимке: Х. Джонсон и Г. Шаффер перед вылетом из Лондона.

Парадокс: Грете в Женеве

ВСЕ это похоже на кадры из какого-то странного фильма. 1939 год. Вторжение фашистских войск в Чехословакию. Танки с черным крестом врезают границу. Вот они уже въехали на улицы городов. Скорбные лица жителей. Гестаповцы во докуют арестованного. Приглушенный крик. Выстрел...
...Молодой человек с тщательным гладким пробором. Уши чуть оттопырены. В зубах погашая трубка. Он сидит перед раскрытым окном, что-то пишет, зачеркивает. Муки творчества. Наконец дописал, перечитывает — по всему видно: доволен. Осторожно, через плечо молодого человека, заглянем в рукопись: «Протекторат и взаимное сотрудничество». Там слова:

«Всякий прочный порядок неизбежно содержит в себе элементы субординации и подчинения. Это относится также к взаимоотношениям между государствами. Более слабое государство всегда ищет защиты у сильного, отказываясь от известных прав в пользу последнего...»

...Немецкие войска маршем проходят по улицам Праги, Брно, Влادки. Чехословацкое государство ликвидировано (отказ от известных прав). В тюрьмах «протектората» стража — немецкая, а заключенные — чехи («элементы субординации и подчинения»). А войска все идут, идут — все те же, в своих серых-зеленых мундирах и стальных касках, — меняются только ландшафты.

1940 год. Они выступают в Париже... Молодой человек в кабинете, за столом, понахвывает трубкой. В руках у него свежий номер журнала. Передаст. Читает фамилии авторов: Риббентрон, Гейдель, Функ. А вот — статья, посвященная захвату Франции. Автор (он сейчас перед нами) водит мундштуком трубки по строчкам. Здесь — цитата:

«После расчленения Франции достаточно уничтожить 150 объектов столицы: церкви, дворцы, театры, здания министерств, музеи, школы, казармы, памятники, биржу, банк, мосты и вокзалы». Из мундштука трубки струится дымок.

Он ползет по странице, густеет, ширится, заполняя собой все видимое пространство. Дым. Взорыв. Горят города и деревни. Фашистские самолеты на бреющем полете расстреливают детей, женщин.

Июнь 1941 года... Молодой человек (он повзрослел, плетеному галстуку; американца из Западных штатов узнаю по его шляпе; а вот идет сикх, это видно по его бороде и тюрбану).

Встречается много молодых парочек, которые бродят по выставке, держась за руки. Американцы приходят сюда целыми семьями, с бойкими детшками, но обращающими никакого внимания на дощечки с надписью: «не трогать руками». Очень много негров и жителей Пуэрто-Рико, внимательных, все запоминающих посетителей. До меня доносится обрывки разговоров, восклицания. Я вспоминаю рассказ Рабле о Ледовитом море, где однажды в воздухе замерзла слова мужчины и женщины, а когда мороз прошел и наступила ясная и теплая погода, слова начали таять и вновь стали слышимыми. И мне очень хочется, чтобы в этом «Коллесе» с его кондиционированным воздухом мы тоже могли бы заморозить слова, которые я слышу, и разбросать их над Москвой, где они, оттаяв на летнем солнце, рассыпались над городом радостным словесным фейерверком, потому что большей частью это были бы такие слова, как «великолепно», «фантаслично», «невероятно», «замечательно», «блестяще»...
НЬЮ-ЙОРК, 15 июля.
(По телеграфу).

Встречается много молодых парочек, которые бродят по выставке, держась за руки. Американцы приходят сюда целыми семьями, с бойкими детшками, но обращающими никакого внимания на дощечки с надписью: «не трогать руками». Очень много негров и жителей Пуэрто-Рико, внимательных, все запоминающих посетителей. До меня доносится обрывки разговоров, восклицания. Я вспоминаю рассказ Рабле о Ледовитом море, где однажды в воздухе замерзла слова мужчины и женщины, а когда мороз прошел и наступила ясная и теплая погода, слова начали таять и вновь стали слышимыми. И мне очень хочется, чтобы в этом «Коллесе» с его кондиционированным воздухом мы тоже могли бы заморозить слова, которые я слышу, и разбросать их над Москвой, где они, оттаяв на летнем солнце, рассыпались над городом радостным словесным фейерверком, потому что большей частью это были бы такие слова, как «великолепно», «фантаслично», «невероятно», «замечательно», «блестяще»...
НЬЮ-ЙОРК, 15 июля.
(По телеграфу).

странных дел. Его ежедневно видели в обществе Бланкенхорна и Хальштейна. Кандидер Аденгауз оказывал ему свое покровительство. Остряки-французы, наблюдавшие г-на Грете на дипломатических встречах, нашли для него меткое прозвище: «маленький наци господин Аденгауз».

«Маленький наци» становился «большим человеком». Этот доктор наук обладал, оказывается, дивольской энергией практика. Он выступал с речами, писал статьи, участвовал в совещаниях и конференциях. Он требовал вооружения ФРГ и заключал западные державы: «Не отказывайтесь от политики с позиции силы! Без наших дивизий, без западногерманского территориального пространства НАТО значительно ослабеет!» Когда с ним заговаривали о проблемах немецкого единства, он только отмахивался: «Никаких переговоров! Есть один путь: полноту народного строя в ГДР, организация контрреволюционных путчей, восстаний там — на Востоке». Он прямо сказал об этой «теории» одному американскому корреспонденту. Это был призрак к диверсионно-подпольным акциям против ГДР, неслыханный в устах дипломата. Сам Джон Фостер Даллес вынужден был записать о своем негодном с Грете. Однако в Бонне лумали являч. Г-на Грете сделали главным экспертом по вопросам «воссоединения».

Г-ну Грете не пришлось беспокоиться за свою карьеру. Его направил в качестве посла в Вашингтон. Как сообщают, резиденция г-на Грете стала клубом, где собираются американские политики.

Когда г-н Грете узнал о советских предложениях по берлинскому вопросу, он пришел в ярость. Он и слышать не хотел о мирном договоре. Такая «позиция» пришла по душе некоторым друзьям г-на Грете. Зато американский обозреватель Уолтер Липман назвал эту «позицию» «политическим неврозом... больше того — дипломатической глупостью».

Впрочем, довольно... Рассказывать об этих вещах в присутствии Констанция и Франциски было бы слишком жестоко. Ведь за всеми этими фактами встает страшный призрак войны — неистовство пламени, кровь, обезображенные взрывами трупы, — а дети боются покойников. Дети любят жизнь и почитают родителей. Смотрите, как принахили обе девочки к отцовской руке. Он так устал, безный папа! Все время — в разездах, в делах, редко удается увидеть свободную минуточку. Сколько ему приходится работать, причем не только за себя, но и за других! Ведь всем известно, что в Женеве собрался министры иностранных дел, и западногерманский — Генрих фон Брентау тоже там. Но дядя Генрих почему-то не хочет ходить на заседания, а посылает вместо себя папу. Странный народ, эти взрослые!

Жизнь, действительно, полна парадоксов: нацистский юрист — профессор международного права; враг немецкого единства — эксперт по вопросам воссоединения; противник переговоров — руководитель делегации ФРГ в Женеве! ...На воображаемом экране — крупным планом — приближается к нам лицо Вильгельма Грете. Галлий пробор, уши чуть оттопырены, в зубах трубка. Правни, глаза потускнели, подбородок обвис, и все же Грете не очень-то изменился. Помните, он стоял в кабинете, у окна, переписывая свежий номер журнала... По дорогам Европы двигались тогда фашистские войска. Пылали города, деревни, на воздух взлетали мосты. А солдаты шли, шли — все те же, в своих серо-зеленых мундирах и стальных касках, — менялись только ландшафты...
Лев ГИНЗБУРГ

Вы правы, г-н Осборн!

Лондонская «Таймс» поместила письмо члена парламента консерватора Сирила Осборна, горячо поддерживавшего резолюцию статьи газеты, опубликованную 9 июля. Эта статья напоминала о больших потерях Советского Союза во время войны, что привело его автору к здравому, по мнению С. Осборна, выводу: «Эти цифры заставляют верить, заверениям просто русского о его желании мира, поскольку он знает, что представляет собой война».

Со своей стороны, г-н Осборн высказывает много глубоких, правильных мыслей. Подчеркивая, что он отнюдь не сочувствует коммунизму, консервативный депутат английского парламента не менее поддерживает советские возражения против вооружения западногерманских милитаристов. Возмущаясь безответственными ссылками защитников политики Аденгауза на то, что Гитлера это делал каждый, до кайзера — Висмарк, до Висмарка — Фридрих Великий, а до него — теотонские рыцари. Опасения русских и поляков обоснованы, г-н Осборн видит в этих фактах подкрепление «политики премьер-министра, заключающейся в том, чтобы проявлять гибкость и терпение в попытке вернуть доверие русских лидеров, вместо того чтобы проводить жесткую политику Аденгауза, наставляющего на воссоединении Германии любой ценой, что неизбежно должно создать страх и опасность третьей мировой войны».

роковой войны за возвращение «утраченных» германских провинций».

Вы правы, г-н Осборн! Единственно, что хотелось бы нам добавить к Вашим словам «опасения русских и поляков обоснованы», — относится к Вашей стране, Великобритании. Ей тоже надо опасаться западногерманских милитаристов, ее национальный интересам противоречит прорусская поддержка притязаний аденгаузов, штурмова, над ней нависает угроза со стороны атомно-реактивных площадок бундесвера. Вы поняли, что со стороны «русских» Англии, как и всему Западу, нечего опасаться. Помните также, что не одно сочувствие к нам, а собственно британские интересы диктуют Вашему правительству ту разумную политику, которую Вы поддерживаете.

Б. Л.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.